

Алексей Обухов

Психология личности в условиях традиционной преемственности деревни Русского Севера

Актуальность исследования

Проблема выявления психологических особенностей личности в соотношении с условиями ее бытия и развития представляется актуальной для рассмотрения психологии личности в изменяющемся мире. При этом мы не должны забывать о принципиальном значении традиционной преемственности. Проблема самосознания человека и системы его отношений к окружающему миру входит в общую проблему «человек и мир» и выступает на первый план при все большей изменчивости реалий окружающего мира. Изменения, происходящие в социуме, могут размывать обыденное самосознание человека, превращая его в маргинала. В то же время традиционная культура может сохранять заданный статус личности от разрушающего воздействия социальных катаклизмов. Именно последнее положение нуждается в тщательном исследовании в современных условиях социальных, экономических, политических и иных трансформаций. Поиск социокультурных возможностей удержания социально устойчивого статуса личности выступает важной задачей в изменяющемся мире.

На современном этапе существования русской культуры, разводя по полюсам стабильности и изменчивости, обычно выделяют деревенскую (часто так и называемую традиционную) и городскую (книжную и массовую) культуру. Основновополагающим различием между этими двумя типами культуры является преобладание того или иного способа трансляции культуры от поколения к поколению.

В настоящее время 27% населения России продолжает жить в сельских условиях, значительная часть которых характе-

ризуется как традиционная деревенская культура. Исходя из того, что традиционная культура обладает возможностью сохранения устойчивого статуса личности, определяется необходимость специального изучения этой культуры как условия бытия и развития личности. Выявление психологических особенностей личности в контексте региональной традиционной культуры возможно через особенности самосознания и через систему отношений личности к условиям жизни.

Исследования личности в контексте культурных традиций в зарубежной психологии

В исследованиях западных ученых в большей степени проводился анализ взаимосвязей между отдельными личностными конструктами и культурными переменными. В различных культурах сравнивались мотивация достижений, тревожность, локус контроля (Berry J.W. [1]), феминность-маскулинность (Diaz-Loving R. [2]) и т.п. Также рассматривались специфические для культуры черты личности в соотношении с конструктами, выявленными в других культурах (Triandis H.S., Vassiliou V. [3]), применялся типологический подход к изучению личности с помощью личностных тестов (Church A.T., Lonner W.J. [4]). Важной определялась проблема изучения особенностей национального характера в зависимости от процессов социализации в разных культурах (Benedict R. [5], Mead M. [6], Bock Ph.K. [7], Daun A. [8] и др.).

В кросс-культурных исследованиях рассматривались познавательные процессы в соотношении со спецификой культуры (Коул М. [9]), проводились многочисленные исследования личности и особенностей психики с целью выявления универсального и культурно определенного психического (Bril V., Lehalle H. [10]).

Целостные концепции изучения личности во взаимосвязи с культурой существуют в психоаналитических работах, однако методами исследования выступают в основном различные способы интерпретации и анализа существующего этнологического материала (Фрейд З. [11], Юнг К.Г. [12], Самуэль С. [13], Нойман Э. [14], Джонсон Р.А. [15], Франц М.-Л. [16], Хендерсон Дж. [17], Эриксон Э. [18] и др.).

Исследования личности в западной культурной и социальной антропологии

Исследования личности в контексте культурных традиций проводились в русле западной культурной и социальной антропологии. Однако основной линией развития в этом направлении выступали теоретические споры о способах интерпретации материала. Как наиболее распространенные выступали: *исторический метод* гипотетической реконструкции прошлого; индуктивный метод, сочетающий полевые исследования и интерпретацию (Radcliffe-Brown

A.R. [19]); *сравнительный метод*, с помощью которого выявлялись фундаментально-психологические причины универсальных форм поведения и различие (Boas F. [20]); *эволюционный метод*, рассматривающий явления культуры в их развитии (White L.A. [21]); *структуралистский метод* описания и интерпретации элементов культуры, с помощью которого выявляются особенности первобытного мышления и мифологического сознания (Леви-Строс К. [22]); *метод функционального анализа*, с помощью которого выявляется функциональное значение для человека элементов культуры в их соотношении друг с другом (Malinowski B. [23]).

М. Мид [24] разработаны технические подходы к изучению эмпирического материала и задана модель поведения психоантрополога и его отношения с представителями изучаемой культуры; проведены эмпирические исследования мира детства, практики воспитания детей, ухода за детьми, проблемы материнства; описан в сопоставлении процесс взросления у нескольких народов, в котором особое внимание уделяется межпоколенным взаимосвязям.

Отдельно выделяется направление изучения личности в изменяющихся культурных условиях, определяемое как проблема аккультурации [25].

В американских исследованиях в направлении «культура и личность» особое внимание уделялось роли «включения» исследователя в жизнь изучаемой культуры при применении качественного описания культуры через проживание внутри нее [26]. Качественные методы описания дополнялись «квазистатистикой» — неявными числовыми методами описания, не требующими точных подсчетов [27].

К. Гирцом определяется необходимость «понимающего» подхода к исследованию человека в пространстве культуры [28]. В 1980-е гг. акцентируется внимание на осмыслении методов сбора информации, ее обработки и анализа полученных результатов; вводится понимание влияния на весь процесс исследования личности самого исследователя [29].

В центре внимания отечественных ученых (Бэр В.К., Надеждин Н.Д., Кавелин К.Д., Шпет Г.Г. и др.) изначально стояла проблема психологии народа, отталкиваясь от которой, наука пришла к проблеме личности. Первоначальные материалы о личности в контексте культурных традиций, собираемые в этнографических экспедициях, носили описательный характер. Большое внимание в исследованиях уделялось языку как источнику этнопсихологических особенностей (Потебня А.А. [30], Шпет Г.Г. [31]).

Исследования личности в контексте культурных традиций в отечественной психологии

-
- В.М. Бехтерев утверждал необходимость изучения личности в контексте системы социокультурных общностей, существующих на основе взаимного общения и деятельности, с привлечением различных способов фиксации как внешних особенностей окружающей человека среды, так и субъективной реальности человека [32]. Исходя из принципа рассмотрения личности в ее активном приспособлении к окружающей среде А.Ф. Лазурским совместно с С.Л. Франком была составлена «Программа исследования личности в ее отношениях к среде» [33].
- Л.С. Выготским как основным направлением исследования было определено развития личности в процесс интериоризации культуры, то есть вхождения человека в культуру путем ее присвоения [34]. А.Р. Лурия провел экспериментальные исследования личности в контексте этнокультурной традиции в экспедиционных условиях [35].
- При сравнительно-культурном подходе к общению и деятельности проводились исследования связи идентичности личности в зависимости от социокультурной среды при межгрупповом взаимодействии (Агеев В.С. [36]), а также выявлялось влияние культуры на восприятие и оценку человека человеком (Агеев В.С. [37]).
- Ряд вопросов, находящихся в рамках проблемы исследования личности в контексте культурной традиции, поднимался в работах И.С. Кона [38]. Основным принципом данных исследований выступает обобщение и анализ по заранее определенной структуре существующего этнографического и этнопсихологического материала.
- Исследования национального характера и выявления социальных архетипов проводились с привлечением ММРІ (Касьянова К. [39]). Т.Д. Марцинковской проводился анализ социокультурных и психологических факторов, определяющих своеобразие русской ментальности, выраженной в науке и философской мысли [40].
- Масштабное социально-психологическое исследование образа жизни крестьян с привлечением широкого спектра методов сбора информации было проведено с 1959 по 1981 г. Е.В. Шороховой, совместно с О.И. Зотовой и В.В. Новиковым [41]. Однако при анализе и интерпретации полученных данных практически не учитывался фактор традиции.
- Рядом исследователей как основным объектом исследования определяются этнокультурные феномены и особенности их репрезентации в сознании личности или группы (Дробужева Л.М., Кузнецов И.М., Кцоева Г.У. [42]), а в эмпирическом исследовании преимущественно используются

психологические методики, подвергаемые модификации в соответствии с реалиями изучаемой культуры. Методическим принципом исследования принимается проведение исследования в «поле» (Солдатова Г.У. [43]).

В рамках концепция этнофункциональной психологии А.В. Сухарева объектом полевого исследования выбираются этнофункциональные рассогласования в психике коренных жителей «этноконтактной зоны», продолжающих быть связанными с традиционными культурами [44].

Проводятся психологические исследования традиций детских субкультур в ракурсе освоения детьми окружающего пространства и мира взрослых (Осорина М.В. [45]).

В исследованиях личности и особенностей ее самосознания в контексте различных этнокультурных традиций и в зависимости от фактора места, проделанных В.С. Мухиной [46] и ее учениками (Айгумова З.И. [47], Гаджирадова З.М. [48], Дугарова Т.Ц. [49], Иванова А.А. [50], Кушнир А.М. [51], Ле Куанг Ш. [52], Малаева А.Т. [53] и др.). Применяется целый комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых методов.

Самосознание личности в контексте условий, в которых она развивается, рассматривается при помощи методов, учитывающих тенденции наполнения структурных звеньев самосознания, базирующихся на историко-генетической концепции структуры самосознания В.С. Мухиной. Исследуются: притязание на признание своего «я», своего имени; притязания на социальное признание, межличностные отношения; половая идентификация, отражающая стереотипы мужского и женского поведения, присущих этносу; перспектива личности, определяющая права и обязанности, которыми обладает индивид в системе государства и национальных обычаев, традиций, обрядов и верований. Условия развития и бытия личности разделяются на предметную, природную, социальную и образно-знаковую реалии [54].

Развитие полевых исследований традиционной культуры в отечественных гуманитарных науках происходило от фиксации узко тематического материала, через формирование многожанрового принципа записи, к комплексному подходу фиксации современного состояния деревни во всех плоскостях ее существования, где личность носителя традиции начинает пониматься как одна из центральных проблем.

Отход от понимания фольклора исключительно как словесного народного творчества и рассмотрения текстов вне образа, вне образа жизни людей, характерен для последних

Развитие исследований традиционной культуры в отечественных гуманитарных науках

десятилетий [55]. Применяются функционалистский и региональный подходы к исследованию этнографического материала [56]. Признается как способ исследования вхождение в образ жизни и мысли носителей традиции через длительное включенное проживание в изучаемой социокультурной ситуации [57].

Развиваются направления, в которых затрагивается проблема личности в контексте этнокультурных традиций, охватывающих большой комплекс вопросов при этноэкологической экспертизе регионов [58], изучении культурного ландшафта [59], раскрытии социоэтнологических проблем [60], этнопедагогических исследований [61] при сопоставительных статистических исследованиях в различных этносах [62], при проведении историко-этнологического анализа [63]. В данных подходах дается обоснование сближения социологических и этнологических методов исследования; ключевыми вопросами исследования определяются проблемы этнического самосознания, этнической идентичности, межэтнические отношения, ценностно-нормативные ориентации и др. Особенности культуры, этноса, региона, типа поселения и др. факторы социализации рассматриваются как значимые для развития личности в социальной педагогике [64].

В развитии проблемы исследования личности в контексте культурных традиций можно выделить следующие составляющие: направления исследования; учет проблем при проведении исследования; способы фиксации и описания исследовательского материала; анализ и интерпретация. На разных этапах развития зарубежных и отечественных исследований, в различных научных школах большее внимание уделялось какой-либо одной или нескольким составляющим. В настоящее время исследователи отмечают необходимость учета всех составляющих целостного процесса исследования и применении комплексного, междисциплинарного подхода к проблеме изучения личности в контексте культурных традиций.

При построении программы исследования мы исходили из философских идей, утвердившихся в отечественной психологии, относительно условий, определяющих развитие личности (Ананьев Б.Г., Асмолов А.Г., Вернадский В.И. Выготский Л.С., Лазурский А.Ф., Мухина В.С., Муриков А.В., Рубинштейн С.Л., и др.). Рассматривается также комплексный подход в контексте методологии науки с ориентацией на межпредметные связи психологии, антропологии, социологии, филологии, этнографии, педагогики и др.

Теоретические и методологические основы построения программы исследования личности в традиционной культуре

Становление и бытие личности рассматривается, согласно концепции В.С. Мухиной, во взаимосвязи с естественной, рукотворной, социальной и ценностно-символической средами. При этом применяются: региональный принцип построения исследования природно-культурных ландшафтов (Веденин Ю.А.); функционалистский подход к анализу элементов и явлений культуры (Малиновский Б.); понимание традиции как развивающегося феномена (Шилз Э., Эйзенштадт С., Арутюнов С.А., Лурье С.В.) и др. Личность рассматривается через особенности ее самосознания в соответствии с концепцией структуры самосознания В.С. Мухиной и через систему отношений личности к средам, согласно А.Ф. Лазурскому.

Основной задачей направления психологических исследований в ракурсе «культура и личность» (Кардинер А., Коул М., Мид М., Эриксон Э. и др.; в России — Агеев В.С., Асмолов А.Г., Волков Г.Н., Выготский Л.С., Кон И.С., Лазурский А.Ф., Лурия А.Р., Лурье С.В., Мухина В.С. и др.) становится выяснение связи между внутренним, психологическим, миром человека и миром внешним, предметным, социальным, этнокультурным.

Рассмотрение развития и бытия личности считается необходимым в контексте культуры и эпохи, в связи с условиями жизни. Любая проблема или явление рассматривается в пространстве и во времени, в ракурсе всех сред, выявляя особенности самосознания людей, их отношения и понимание проблемы, преемственности от поколения к поколению изучаемой проблемы или явления. Взаимодействие культуры и пространства — динамичный, развивающийся в историческом времени процесс. Поэтому исследование выстраивается в двух направлениях — временном и пространственном. **В пространстве:** *природная среда* (естественные реалии бытия человека); *предметная среда* (рукотворные реалии бытия человека); *социальная среда* (этническая среда, селение, родственные отношения, семья, соседство, экономико-хозяйственные связи, властные структуры); *ценностно-символическая среда* (отражение всех реалий бытия в народном сознании через символы, знаки, образы). **Во времени:** *история* (жизнь индивидуального человека — дом — семья — деревня — край — страна); *традиция* (трансляция, изменение и трансформация культурных ценностей и форм в условиях межпоколенной преемственности).

Особенностью психологического исследования личности в традиционной культуре является то, что в центре изучения стоит субъективная реальность человека в неразрыв-

Направления исследования

Особенности психологического исследования личности в традиционной культуре

ной связи с системой культурной реальности традиции. Основными ракурсами для фиксации исследовательского материала выступают:

- 1) *фиксация и изучение внешних условий*, что необходимо для понимания особенностей детерминации формирования и развития психического мира человека;
- 2) *фиксация понимания и отношения к действительности*, особенности отражения объективных реалий в субъективном мире, который сформирован в условиях целостного ценностно-символического традиционного мировоззрения во взаимосвязи с социальной, рукотворной и природной средами развития и бытия личности.

Методы сбора и фиксации первичного исследовательского материала

В работе используется комплекс взаимодополняющих методов исследования, хорошо известных в науках, изучающих человека и среду его бытия. Основным методом для сбора и фиксации материала — **тематическая беседа**. Тематическое наполнение беседы определено направлениями исследования согласно концепции В.С. Мухиной. При тематической детализации вопросов использованы ранее разработанные опросники [65]. **Включенное наблюдение** выступает методом, расширяющим сведения, получаемые из тематических бесед. Так же как и беседа, наблюдение проводилось согласно определенным направлениям исследования. Кроме того, фиксировалась и исследовалась материальная культура, с одной стороны, как условия бытия человека, а, с другой стороны, определенные предметы материальной культуры изучались как проявление личности человека во внешнем пространстве (**анализ продуктов деятельности**). В исследовании применялись аудиовизуальные методы фиксации материала.

В исследовании специально проводился **анализ архивных материалов** следующего характера: похозяйственные книги (для получения демографических, экономико-хозяйственных и формально-семейных сведений); материалы предшествующих экспедиций (для выявления изменений, происходящих в культуре и условиях жизни региона); материалы государственных архивов (для получения информации об истории региона и деревень).

Методы обработки и анализа первичного исследовательского материала

Методами обработки и анализа первичного исследовательского материала выступали: **качественный анализ** этнографического, фольклорного, этнопсихологического материала, собранного в экспедициях; **качественно-количественный анализ** (контент-анализ, частотный словарь) которому подвергались фольклорные тексты и письменные материалы (фольклорных тетрадей, писем, свободных наблюдений членов экспедиционных групп и др.), с

бранные в экспедициях; **количественный анализ** (как дополнительный), применяемый в форме статистической обработки материалов похозяйственных книг (социально-демографические и экономико-хозяйственным данные по семьям и деревням региона).

Полученный материал подвергался первичной обработке в соответствии с определенными в исследовании тематическими направлениями. Это давало основание классифицировать полученный материал по единицам обсчета. Всего было проанализировано около 20 000 смысловых единиц обсчета.

В нашем исследовании описываются реалии бытия и развития личности (природная, предметная, социальная и ценностно-символическая) в деревнях, находящихся в настоящее время на территории Кенозерского национального парка в Каргопольском (Лекшмозерье) и Плесецком (Кенозерье) районах Архангельской области. В данном регионе регулярные исследования проводились начиная с середины XIX века, что дает нам возможность проследить изменения изучаемых реалий. Настоящее состояние реалий бытия и развития личности в названном регионе описывается по результатам 10 исследовательских экспедиций, проведенных автором в 1996—2001 гг. Всего в исследовании с 1996 по 2001 г. приняло участие около 1350 человек, из них 400 человек старшего поколения, 595 — среднего поколения и 355 — младшего поколения.

Особенности представлений о природе и природопользовании, сложившиеся в традициях Кенозерья и Лекшмозерья, обусловлены спецификой естественных реалий региона и сохраняют во многом мифологический характер. Тесная взаимосвязь человека с природой, сохранение зависимости от нее отражается в системе значений традиционной культуры, которая претерпела определенное изменение в XX веке, но сохраняется в несколько редуцированной форме. Окружающее человека пространство разделяется на «свое» и «чужое» по так называемому матрешечному принципу. При этом «чужому» пространству приписываются отчужденные от человека «хозяева» (традиционная русская демонология и антропоморфизм), с которыми он должен уметь выстроить отношения, соблюдая систему существующих нормативов, за нарушение которых от «хозяев» или «высших сил» следует неминуемое наказание. Особым знанием природы и ее сущностных сил обладают «посвященные», которые за свое особое просвещение об этом мире платятся тяжелым переходом в «иной» мир. Обращение к природным реалиям имеет антропоморфный характер и аналогично обращению к право-

Регион и ход исследования

Природные реалии

славным святым. Человек наделяет пространство значениями и смыслами через топонимику (наименование и понятийное определение значимых для человека ландшафтных и природных реалий) и систему сакральной географии, выраженную особыми природными и рукотворными объектами. Уменьшение значимости для сознания человека традиционной культуры определенных реалий пространства и интенсивности их использования, лишает мифологическое сознание свойственной ему модели поведения. Однако целостное отношение к природе как ценности сохраняется у всех поколений

Рукотворные реалии

В традиционной культуре посредством **рукотворных реалий** человек не только обустроивает «свое» жизненное пространство (утварь, дом, деревня), но и обозначает включение «иногo» пространства (поля, лес, озера, реки и др.), которые также определяют сферу его жизнедеятельности. Организация пространства дома, устройство хозяйства, общедеревенские строения согласуются с двумя взаимосвязанными системами представлений: рационально-хозяйственной и космогонической. Особое значение имеют «пороговые» предметы (обереги у входа в дом; ограда; придорожные часовни и кресты и т.п.). Эти охраняющие функции предметы в представлениях людей имеют природную, либо божественную силу, выражающуюся через соответствующие символические формы. Пространство рукотворных реалий также наделяется «хозяевами», с которыми человек через систему нормативных действий выстраивает отношения. Сохраняется система особо значимых предметов, включенных в предметно-знаковую деятельность, отражающая мифологические представления о мире и взаимодействии с ним. Наибольшая сохранность такой предметности взаимосвязана с жизненной значимостью деятельности, в которой участвуют люди. Рукотворные предметы знаково опосредуют взаимоотношения людей друг с другом, с Богом, с «хозяевами», с природой. Еда, как и предметы, являясь результатом рукотворной деятельности, сохраняет свою традиционность, что связано с зависимостью от природных реалий.

Изменения в предметной сфере и в сфере отношений к предметному миру под воздействием цивилизации стихийно входят в привычный уклад жизни, постепенно его трансформируя.

Социальные реалии

Моноэтничность **социальной среды** деревень Русского Севера определила отсутствие выраженной этнической самоидентификации. Категория «мы» является превалирующей в социальном пространстве деревни, причем семей

ное «мы» выступает и сегодня как более значимое и организуемое совместную деятельность, чем общинное «мы». В изучаемом регионе можно выделить два типа селения, различаемых по специфике социального пространства: 1 — малые и средние деревни, где жители могут считаться реальной малой группой, входящей в более широкую систему социальной общности («куст» деревень); 2 — большие села, являющиеся сложно структурированной социальной общностью, разделенной на более мелкие образования («концы» села), социокультурным центром которых в настоящее время выступает школа.

Межличностное опосредованное общение в виде сохранившейся традиции переписки между членами семьи, проживающими в деревне и уехавшими в город, происходит по определенной (достаточно схематизированной) форме и имеет ритуальное и событийно-информативное содержание без предьявления личностных отношений.

Гендерные стереотипы и разделение деятельности на «мужскую» и «женскую» сохраняются, хотя и претерпели определенное размывание в связи с историческими событиями и изменением образа жизни.

Межпоколенные взаимоотношения организованы традиционно высоким статусом старших и определены спецификой образа жизни и хозяйственной деятельности. Продолжает свое существование культура традиционных приветствий и добропожеланий. Межпоколенные конфликты нивелированы традиционными нормативами взаимоотношений между поколениями, что во многом сохраняется в настоящее время.

Структура семьи и численность детей претерпели сильное изменение на протяжении трех поколений — современные семьи, проживающие в одном доме, в основном состоят из двух поколений, обычная численность детей — два-три. При этом сохранность брака и наличие детей продолжают являться ценностью. Семейная обрядность через предметно-знаковые и символические действия и атрибутирование отражает систему ценностей, показывающую важность семейно-родовых связей, ценности ребенка, прочности брака, памяти о предках. Статус мужчины и женщины дифференцировался в зависимости от социальной роли и личностных качеств.

Родовая память остается значимой и связана не только с памятью предков, но и с фактором места жизни. Миграционные процессы за последние 50 лет нарушили демографическую ситуацию, что повлекло за собой вымирание малых деревень и трансформацию социального пространст-

Семья и связь с родом

ва больших сел. Отрыв от «своего» места в этом мире (осознание которого формируется по принципу места рождения и захоронения предков, т.е. связью с родом) влечет за собой маргинализацию. Изменения в системе власти повлекли за собой трансформацию системы ответственности за свою жизнь и окружающее пространство, что наиболее тяжело сказалось на среднем поколении.

Социально-демографические и исторические процессы XX столетия нарушили традиционную социальную определенность, отражающуюся в системе социальных отношений, что приводит к определенной дестабилизации личности во всех поколениях.

Ценностно-символические реалии

В число **ценностно-символических реалий**, обсуждаемых в настоящей работе, мы выносим топонимику, ономастику, особые понятия, фольклорные тексты, календарную обрядность, религиозные и мифологические представления, другие знаковые системы.

Отражение окружающего пространства через микротопонимику

Значимость окружающего человека пространства и его включенность в жизнедеятельность в традиционной культуре определяется через уровень развитости знаково-символического обозначения географического пространства — микротопонимики. Содержательно топонимы либо характеризуют особенности восприятия места, либо являются закреплением территории за родом (семьей). Представленность микротопонимики в сознании старшего поколения значительно полнее и детализованнее, чем у младшего. Освоение микротопонимики происходит в первую очередь в детстве, таким образом, вынужденные переселения и отрыв от родной (родовой) территории, произошедшие на памяти среднего поколения, отразились в представленности пространства в сознании через топонимы. Дифференцированность микротопонимики уменьшается в первую очередь в отношении пространств, отчуждаемых, выключаемых из хозяйственной деятельности и там, где численность людей снижается, из-за чего снижается актуальность вопроса о разделении угодий между семьями и т.п.

Роль имени, прозвища, фамилии

Особое значение среди ценностно-символических реалий отводится имени, прозвищу, фамилии. Имена детям присваивались в деревнях изучаемого региона в соответствии с православным именованием. Репертуар имен традиционен и ограничен. Изменений в репертуаре имен на протяжении XX века практически нет, только в единичных случаях среди младшего поколения встречаются имена, ранее не распространенные в регионе. Жители одной деревни зачастую имеют общую фамилию, а по роду — фамилию

прозвище, которая дается либо по «дедке» (по деду), либо по характеру одного из представителей семьи, либо по особенности хозяйственной деятельности. С миграционными процессами совпадение проживания в деревне и единства фамилии у разных семей нарушено, но фамилии-прозвища сохраняют бытование в настоящее время.

Специфическая промысловая терминология практически забыта и не представлена в сознании младшего поколения, что связано с прекращением тех или иных промыслов.

Изменения фольклорного репертуара и календарной обрядности

Фольклорный репертуар претерпел значительное изменение — прекратили бытование эпические жанры, бытование лирической песни происходит только среди старшего поколения и частично среднего, продолжают бытовать среди всех трех поколений малые фольклорные жанры. Все более изменчивые условия жизни востребовали и более динамичные и короткие формы фольклора; малые жанры имеют преимущества для отражения непрерывно меняющейся со все большими темпами жизни. Отмечается широкое бытование трансформированных форм городского фольклора (городской романс, анекдот), особенно среди среднего и младшего поколения (при наличии своеобразия в репертуарном наборе), однако былички и фольклоризированные жизненные ситуации в непосредственном бытовании встречаются более часто. Проблемы, затрагиваемые в фольклорных текстах, значительных изменений не претерпели. В фольклорных текстах преобладают вопросы взаимоотношения между полями, семейные проблемы, взаимоотношения между жителями деревень, отражение значимых исторических событий, влияющих на жизнь деревни. Изменение фольклорного репертуара является отражением изменений образа жизни и быта деревни, ее взаимосвязей с городом, а вследствие этого — самосознания и мировоззрения носителей традиционной культуры.

Основные праздники, связанные с хозяйственно-природными циклами (в первую очередь со скотоводством), продолжают свое бытование. Праздничная культура как ранее, так и в настоящее время является организационным пространством взаимоотношений между молодыми людьми, что отражается во многом и в символической наполненности календарной обрядности. Принципы, формы и содержательное наполнение календарных праздников претерпели значительные изменения от старшего поколения к младшему.

Религиозные представления жителей деревень традиционно имели синкретическую форму, сочетающую православие и мифологические представления о природе. Сакрализа-

Религиозные и мифологические представления

ция пространства бытия человека сохраняется и поддерживается всеми поколениями. Соблюдение нормативов взаимодействия с одухотворенным пространством нарушается в большей степени мужской частью среднего поколения. Взаимодействие с божественными силами опосредовано предметно-знаковыми действиями. Обращение за помощью к святым происходит не столь четко в соблюдении календарных канонов, сколь по мере необходимости (болезнь, просьба за ребенка, просьба об урожае и т.д.). Взаимоотношения с «хозяевами» леса, озер, дома и т.д. может происходить напрямую посредством определенных действий или предметов, а может опосредоваться «знающими» или «ведающими» людьми. В народной медицине и системе взаимоотношений с различными природными и божественными силами особая роль придается слову, которое применяется всегда во взаимосвязи с действием и чаще всего предметно-знаково опосредовано. Представления о нормативах взаимоотношений с «хозяевами» пространств и божественных карах за осквернение часовен, святых рощ, церквей и т.д. широко бытует среди всех поколений.

Трансформация картины мира

Космогоническая картина мира, представленная в знаковых системах, отраженных в графических и предметных формах и фольклорных текстах, описывала пространство бытия человека в его определенности, значимых характеристиках и целостности. Подобного рода целостность теряется и не находит в настоящее время у младшего поколения знаково-символического воплощения и осознания, заменяясь разорванной и бессистемной картиной мира, транслируемой массовой культурой. Система знаковых образов претерпевает функциональную трансформацию — от мистических функций оберегов и т.п., к эстетическим.

Трансформация ценностно-символических реалий, происходящих как по форме, так и в содержательном плане, перестраивают самосознание и систему представлений личности о мире, разрушая ее целостность, что отражается во всех сферах жизни.

Особенности самосознания носителей традиционной культуры

Самосознание трех поколений жителей деревень Русского Севера имеет следующие особенности.

Имя

Имя сохраняет свою традиционную значимость, связывая поколения в единое культурное пространство через отражение в себе межпоколенных связей по родовой линии. Во всех трех поколениях репертуар имен идентичен и сопоставим с именами жителей деревень XIX века (например, среди 340 жителей с. Лекшмозеро только 4 человека среди младшего поколения носят имена, ранее не встреча-

ющиеся на селе). Значимым для объединения семьи и выделения ее из общего социального пространства деревни выступает фамильное прозвище по деревне, которое остается актуальным и для младшего поколения. В отношениях между жителями различных деревень значимым выступает поименование, образованное от названия деревни.

Притязания на признание

Притязание на признание опосредуется социальным пространством в первую очередь через семью, род, а также систему отношений внутри деревни. Притязание на признание осуществляется прежде всего через категорию «мы». Предъявление личностных притязаний через категорию «я» остается неприемлемым и для младшего поколения, но в меньшей степени, чем для старшего. Значимым для социального принятия личности остается участие в традиционной деятельности, соблюдение традиционных нормативов и ориентация на традиционные ценности (проявляемая в первую очередь через работу).

Половая идентификация

Половая идентификация для младшего поколения продолжает определяться традиционными представлениями о мужской и женской работе и социально-ролевом характере межполовых отношений. Гендерная дифференциация выражена традиционно в трудовой деятельности, стилях общения и в построении коммуникативного мужско-женского пространства деревни, собственно в речи. Однако в изучаемых нами северных деревнях традиционно не существовало ярко выраженного представления о социальном неравноправии полов.

Психологическое время

Психологическое время личности определяется традиционными временными циклами, а также религиозными и мифологическими представлениями. Категории «давно — недавно» в сознании носителей традиционной культуры не сопоставимы с объективными временными измерениями и опосредованы личным опытом, внутрисемейной памятью и особенностями региональных событий, ставших значимыми для жителей деревень. Традиционное сознание в принципе антиисторично и настроено на цикличность событий и типизацию явлений. Будущее в представлениях трех поколений должно нести для человека наказание при нарушении запретов во взаимодействии со значимыми пространствами (например, осквернение «святой рощи», часовни, посещение запретного места и т.д.). Среди старшего поколения наиболее выражены апокалиптические представления о будущем, хотя восприятие настоящего происходит через деятельностное включение. Среди среднего поколения характер восприятия настоящего наиболее взаимосвязан с включенностью в работу или

маргинальным существованием. Младшее поколение связывает свое будущее прежде всего с перспективами развития региона.

В социальном пространстве наблюдается, что превалирование семейного, родового, общедеревенского «мы» над индивидуальным «я» сохраняется, что позволяет культуре быть более устойчивой. Противопоставление «мы» – «они» выступает как образующее во взаимоотношениях между жителями по принципу «свой» – «чужой» по иерархическому принципу: семья, родная деревня, «куст» деревень, регион. Данное противопоставление сохраняет значимость во всех поколениях. Принятие в «мы» человека из иного социального пространства (родом из другой деревни и т.д.) практически невозможно, иногда даже на протяжении нескольких поколений. Система социальных отношений и взаимопринятия опосредована соблюдением традиционных нормативов как во взаимоотношении людей друг с другом, так и взаимоотношениями человека с природным и сакральным пространствами. Самопредъявление представителями младшего поколения продолжает происходить исключительно через социальные роли и заданные социальным пространством характеристики. Отражение окружающего пространства в самосознании человека взаимосвязано с его социальным опытом и родственными отношениями.

Изменения самосознания в связи с изменениями преемственности культуры

В современной русской деревне продолжает превалировать принцип передачи культуры через межличностные взаимодействия («из уст в уста»), но при этом в личном общении и взаимодействии по-прежнему происходит трансляция в первую очередь общего, народного сознания, а не личного, индивидуального. В сельской местности существование личности продолжает традиционно находиться в большой зависимости от природных, предметных, социальных и ценностно-символических реалий. Традиционная деревня и в настоящее время не претерпела глобальных изменений в образе и ритме жизни, среде обитания, но все больше и больше влияние культуры города (книжной и массовой культур) сказывается в сознании сельских жителей.

В первую очередь посредниками культурного влияния являются жители деревни, уехавшие в город, но приезжающие на летнее время, а также возвратившиеся из города члены семьи (с учебы или из-за изменившихся условий жизни в городе при одновременном снижении престижности быть горожанином). Во вторую очередь – это средства массовой информации, транслирующие ценности массовой

культуры как значимые для человека, к принятию чего наиболее сензитивно младшее поколение. Также существенными факторами оказывается обучение в школе (приобщение к книжной культуре), приезжающие из городов дачники и экспедиции. Наблюдается, что «приспособительных изменений культурного наследия становится от поколения к поколению все больше» (Лоренц К. [66]).

В настоящее время наблюдается постепенное формирование индивидуального рефлексивного самосознания. Старшее поколение начинает осознавать себя «ценными носителями фольклора», все больше применяется письменный способ передачи традиционной изустной духовной культуры, дублируя и даже постепенно замещая принцип «из уст в уста». Все чаще встречаются у местных жителей составленные ими тетради с записями фольклорных текстов. При сельских школах развиваются этнографические музеи (с. Лекшмозеро, Лядины, Коневы и др.), встречаются музеи-избы (с. Лядины). Местные жители начинают интересоваться краеведческими и историческими вопросами по отношению к своей деревне, региону; появляются местные стихийные историки-краеведы и т.д.

В настоящий момент отмечается изменение традиционной культуры через ее восприятие городской культурой. Например, через влияние СМИ в восприятии сельских жителей произошло разведение «как правильно поют» (тексты, передаваемые по радио и телевидению) и «как у нас поют». Характерным становится реконструкция традиционных деревенских праздников по книгам, проводимая школами. Встречаются заимствования из иных культурных традиций.

Традиционным осталось превалирование категории «мы» в сознании сельских жителей, где «быть не таким как все», выделиться от других не является культурным ориентиром даже для подростков. При этом групповая сплоченность, которая может легко достигаться среди городских школьников, не является культуросообразной для сельских, так как традиционно превалирует «мы» семейное, «мы» той или иной деревни или «конца» деревни над «мы» возрастным.

Проведенное исследование психологических особенностей личности в условиях межпоколенной преемственности в деревнях Русского Севера позволило сформулировать следующие **выводы**:

1. **Психологические особенности личности**, развивающейся в условиях традиционной преемственности, заключаются прежде всего: в специфике ценностных ориентаций (цен-

Выводы

Психологические особенности личности в условиях традиционной преемственности

Стабильность существования личности во взаимосвязи с реалиями бытия и развития

- ность семейно-родственных отношений, ориентация на традиционное мнение старших поколений, общины, значимость взаимосвязи с природными реалиями и др.); в превалировании семейного, родового, общедеревенского «мы» над индивидуальным «я»; в выраженности мифологических представлений о мире и взаимодействии с ним.
2. **Стабильность существования личности** обеспечивается традиционной зависимостью от природной, предметной, социальной и ценностно-символической сред в сельской местности Русского Севера. Однако исторические события и происходящие изменения в укладе жизни деревни повлияли на взаимосвязи человека с данными средами и на его самосознание.

Система представлений о природе и природопользовании, сложившаяся в традициях Кенозерья и Лекшмозерья, обусловлена спецификой естественных реалий региона и сохраняет во многом мифологический характер. Уменьшение значимости для сознания человека традиционной культуры определенных реалий пространства и интенсивности их использования лишает мифологическое сознание адекватной модели поведения, что приводит к дестабилизации личности.

Изменения рукотворных реалий под воздействием цивилизации стихийно вписываются в традиционный уклад жизни, постепенно его трансформируя. Старшее поколение придерживается консервативных предметных привязанностей. Младшее поколение в большей степени включает в свою жизнь новую предметность, делая ее для себя значимой.

В социальном пространстве деревни категория «мы» является превалирующей, причем семейное «мы» выступает на настоящий момент как более значимое и организующее совместную деятельность, чем общинное. Отрыв от родового места жизни и изменения в системе взаимоотношений повлекли за собой изменение системы ответственности личности за свою жизнь и окружающее пространство, что наиболее тяжело сказалось на среднем поколении.

Трансформации ценностно-символических реалий, происходящие как по форме, так и в содержательном плане, рестраивают самосознание и систему представлений личности о мире, разрушая ее целостность, что отражается во всех сферах жизни.

Изменения в реалиях бытия личности отражаются на системе отношений личности к данным реалиям, нарушая традиционную преемственность ценностных отношений.

Особенности самосознания жителей деревень Русского Севера

3. **Самосознание** трех поколений жителей деревень Русского Севера сохраняет в себе тенденции традиционности.

Имя сохраняет свою традиционную значимость, связывая поколения в единое культурное пространство через отражение в себе межпоколенных связей по родовой линии. Значимым для объединения семьи и выделения ее из общего социального пространства деревни выступает фамильное прозвище по деревне.

Притязание на признание остается опосредованным социальным пространством. Значимым для реализации притязаний на признание остается соблюдение традиционных нормативов и ориентация на традиционные ценности.

Половая идентификация для младшего поколения продолжает определяться традиционными представлениями о мужской и женской работе и социально-ролевом характере межполовых отношений.

Психологическое время личности определяется традиционными временными циклами, а также религиозными и мифологическими представлениями. Традиционное сознание антиисторично и настроено на цикличность событий и типизацию явлений. Будущее взаимосвязано с прошлым и настоящим, являясь их следствием.

Социальное пространство, претерпев определенные изменения, сохраняет свою традиционность. Превазирование семейного, родового, общедеревенского «мы» над индивидуальным «я» сохраняется, что позволяет личности быть более устойчивой. Противопоставление «мы» — «они» выступает как образующее во взаимоотношениях между жителями по принципу «свой» — «чужой» по критериям семья, родная деревня, регион.

Таким образом, наполнение структурных звеньев самосознания личности в целом сохраняет свою традиционную преемственность.

4. **Межпоколенные различия** связаны с социально-историческими событиями и процессами, отразившимися во всех реалиях бытия. Как наиболее существенное для изменения самосознания выступает отрыв от родового места проживания (вынужденный переезд в связи с укрупнением колхозов; вовлеченность в миграционные процессы) и изменение системы ответственности во взаимосвязях с традиционными условиями жизни. Старшее поколение, выступающее наименее восприимчивым к трансформации внешних условий, продолжает существовать в традиционном укладе жизни, выступая носителем традиционного сознания, проявляет социальную инертность. Среднее поколение не готово адаптироваться к трансформации

Межпоколенные различия

внешних условий, при этом не сохраняет целостностной традиционности. Младшее поколение, сензитивное к воздействию социальных условий, в частности к современной массовой культуре, обнаруживает синкретичность ценностных ориентаций.

5. При том, что наблюдается **постепенное развитие индивидуального рефлексивного сознания**, которое выступает следствием процесса изменения трансляции культурных традиций, общие тенденции воспроизведения традиционной личности селянина Русского Севера сохраняются.

1. *Berry J.W., Poortinga Y.N., Segall M.H., Dasen P.R.* Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge, 1992.

2. *Diaz-Loving R.* Contributions of Mexican ethnopsychology to the resolution of the etic – emic dilemma in personality // *J. of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29(1). P. 104–118.

3. *Triandis H.S., Vassiliou V.* Comparative analysis of subjective culture // *The analysis of subjective culture* / Ed. by H.C. Triandis. New York, 1972. P. 299–338.

4. *Church A.T., Lonner W.J.* The cross-cultural perspective in the study of personality: Rationale and current research // *J. of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29(1). P. 32–62.

5. *Benedict R.* *The Chrysanthemum and the Sword*. Boston, 1946.

6. *Mead M.* *National Character* // Kroeber A.K. (ed.) *Anthropology Today*. Chicago, 1953.

7. *Bock Ph. K.* *Rethinking psychological anthropology*. Continuity and change in the study of human action. New York, 1988.

8. *Daun A.* *Svensk mentalitet*. Simrishamn, 1989.

9. *Коул М.* *Культурно-историческая психология*. М., 1997.

10. *Bril B., Lehalle H.* *Le développement psychologique est-il universel? Approches Interculturelles*. Paris, 1985.

11. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб., 1997; *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой // *Фрейд З. Избранное*. Кн. 2. М., 1990.

12. *Юнг К.Г.* *Душа и миф: шесть архетипов*. Киев, 1996.

13. *Самуэль С.* *Юнг и постъюнгианцы: Курс юнгианского психоанализа*. М., 1997.

14. Нойман Э. Происхождение и развитие сознания. М., 1998.
15. Джонсон Р.А. Он. Глубинные аспекты мужской психологии. Харьков; М., 1996; Джонсон Р.А. Она. Глубинные аспекты женской психологии. Харьков; М., 1996.
16. Франц М.-Л. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. СПб., 1998.
17. Хендерсон Дж. Психологический анализ культурных установок. М., 1997.
18. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996.
19. Radcliffe-Brown A.R. Method in Social Anthropology. Bombay, 1960.
20. Boas F. Some Problems of Methodology in the Social Sciences // The New Social Science. Chicago, 1930. P. 84–98.
21. White L.A. Energy and the Evolution of Culture // The Science of Culture. N.Y., 1949. P. 363–393.
22. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983; Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994; Леви-Строс К. Путь масок. М., 2000.
23. Malinowski B. The Functional Theory // A Scientific Theory of Culture, and Other Essays. Chapel Hill, 1944. P. 147–176.
24. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
25. Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // American Anthropologist. V. XXXIV. 1932. P. 557–569; Redfield R., Linton R., Herskovits M. Memorandum on the Study of Acculturation // American Anthropologist. V. XXXVIII. 1936. P. 149–152; Malinowski B. The Dynamics of Culture Change: An Inquiry into Race Relations in Africa. New Haven, 1945, и др.
26. Becker H.S., Geer B., Hughes E.C. Strauss A.L. Boys in White. Chicago, 1961.
27. Becker H.S. Sociological Work. Chicago, 1970.
28. Geertz C. The Interpretations of Cultures. N.Y., 1973.
29. Marcus G., Fisher M. Anthropology as Culture Critique. Chicago, 1986; Turner V., Bruner E. The Anthropology of Experience. Urbana, 1986; Clifford J., Marcus G.E. Writing Culture. Berkeley, 1986, и др.
30. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1999; Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
31. Шнел Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб., 1996.
32. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994.

33. *Лазурский А.Ф., Франк С.Л.* Программа исследования личности в ее отношениях к среде // *Лазурский А.Ф.* Избр. труды по психологии. М., 1997. С. 239–266.
34. *Выготский Л.С.* Инструментальный метод в психологии // *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры: Избр. психологические труды. М.; Воронеж, 1996. С. 324–330.
35. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
36. *Агеев В.С., Толмасова А.К.* Социальная среда, межгрупповое взаимодействие и социальная идентичность личности // *Личность и социальная среда: идеологические и психологические аспекты общения.* М., 1987. С. 9–59.
37. *Агеев В.С.* Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком // *Вопр. психологии.* 1985. №3.
38. *Кон И.С.* Социология личности. М., 1967; *Кон И.С.* Открытие Я. М., 1978; *Кон И.С.* К проблеме национального характера // *История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой.* М., 1971. С. 122–158; *Кон И.С.* Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М., 1988; *Кон И.С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997; *Кон И.С.* Социологическая психология. М.; Воронеж, 1999, и др.
39. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
40. *Марцинковская Т.Д.* Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М., 1994.
41. *Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В.* Особенности психологии крестьянства. М., 1983.
42. *Дробижева Л.М., Кузнецов И.М., Кцова Г.У.* Некоторые проблемы этнопсихологических исследований // *Психологический журн.* 1988. Т. 9. № 3. С. 26–34.
43. *Солдатова Г.У.* О методических проблемах этнопсихологического исследования // *Психологич журн.* 1992. Т. 13. № 4. С. 33–43.
44. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная психология: Исследования, психотерапия. М., 1998.
45. *Осорина М.В.* О стратагемах детской субкультуры // *Традиционная культура и мир детства: Материалы международной научной конференции «XI Виноградовские чтения».* Ч. III. Ульяновск, 1998. С. 5–11; *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб. 1999.
46. *Мухина В.С.* Этнопсихология: настоящее и будущее // *Психологический журн.* 1994. № 3. С. 42–49; *Мухи-*

на В.С. Современное самосознание народностей Севера // Психологический журн. 1988. Т. 9. № 4. С. 44–52.

47. Айгумова З.И. Особенности самосознания молодежи традиционных этносов Дагестана в условиях межэтнического взаимодействия (на материале изучения аварцев и даргинцев 16–17 лет: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1997.

48. Гаджирадова З.М. Особенности этнического самосознания молодежи Дагестана (на материале изучения аварской и кумыкской молодежи): Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1998.

49. Дугарова Т.Ц. Особенности этнического самосознания подростков-бурят в современных условиях // Развитие личности. 1999. № 4. С. 99–113.

50. Иванова А.А. Особенности этнического самосознания подростков-казаков в контексте межнационального общения: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1995.

51. Кушнир А.М. Особенности ценностных ориентаций и самосознание личности детей народностей Севера (на материале изучения школьников саами): Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1986.

52. Ле Куанг Ш. Психологические особенности ценностных ориентаций современной вьетнамской молодежи: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1998.

53. Малаева А.Т. Зависимость социальной детерминации личности от характера этнокультурной среды: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. Алматы, 1995.

54. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности: Избр. психологические труды. М. Воронеж, 1999.

55. Кулагина А.В. Собираательная деятельность кафедры фольклора филологического факультета МГУ в Костромской области // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященной памяти профессора Н.И. Савушкиной. М., 1995. С. 11–16; Толстой Н.И. Введение // Славянский и балканский фольклор. М., 1984, и др.

56. Панченко А.А. Народное православие: Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

57. Андреев А. Очерки русской этнопсихологии. СПб., 1998.

58. Методы этноэкологической экспертизы / Науч. ред. В.В. Степанов. М., 1999.

59. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб, 1997; Чалая И.П., Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. М., 1997; Туровский Р.Ф.

Культурные ландшафты России. М., 1998; *Кондаков И.В.* Методологические проблемы изучения культурного и природного наследия в России // *Наследие и современность: Информ. сборник. Вып. № 6.* М., 1998. С. 29–94, и др.

60. *Чеснов Я.В., Селина Т.И.* Этнологический подход к социологии воспитания // *Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI.* / Под ред. В.С. Собкина. М., 1998. С. 37–63; *Арутюнян Е.В., Дробужева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1999; *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Этнографическое изображение в социологическом исследовании // *Этнографическое обозрение.* 2000. № 2. С. 18–27.

61. *Волков Г.Н.* Этнопедагогика. М., 1999; *Кукушин В.С., Столяренко Л.Д.* Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов н/Д, 2000.

62. *Собкин В.С., Писарский П.С.* Ценностные ориентации старшеклассников начала 90-х. Кросскультурное сопоставление (Москва-Амстердам) // *Ценностно-нормативные ориентации современного старшеклассника: Труды по социологии образования. Т. I. Вып. II.* М., 1993. С. 6–63; *Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования. Т. IV. Вып. VI.* / Под ред. В.С. Собкина. М., 1998.

63. *Лурье С.В.* Историческая этнология. — М., 1997.

64. *Мудрик А.В.* Введение в социальную педагогику. М., 1997.

65. Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора / Под ред. Т.Б. Диановой. М., 1999; *Традиционная народная культура русских: Сб. программ и вопросников для этнографических исследований / Отв. ред.-сост., авт. предисл. Б.В. Горбунов.* Рязань, 1997; *Основы полевой фольклористики: Сборник научно-методических материалов / Отв. ред. Матлин М.Г.* Ульяновск, 1997; *Специальные программы и вопросники / Отв. ред. Матлин М.Г.* Ульяновск, 1998; *Энциклопедическое описание сельских поселений России (методические рекомендации).* М., 1990. С. 22–31; *Кушниц А.М.* Особенности ценностных ориентаций и самосознание личности детей народов Севера (на материале изучения школьников саами): Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1986. С. 176–181; *Лувсандандар У.* Особенности ценностных ориентаций у детей дошкольного возраста внутри традиций разных культур: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1978. С. 54–55; *Фольклорная практика: Программа / Отв. ред. Ю.Г. Круглов, В.П. Кругляшова, Н.И. Савушкина, Н.И. Толстая.* М., 1983; *Морохин В.Н.* Методика собирания

фольклора. М., 1990; *Савушкина Н.И.* О собирании фольклора. М., 1974; *Чистов К.В.* Современное народное творчество, его собирание и изучение. М., 1963; *Громов Г.Г.* Методика этнографических экспедиций. М., 1966; Программа для комплексных фольклорных экспедиций / Сост. К.А. Вертков, В.Е. Гусев, И.И. Земцовский, Л.В. Ощурко, К.Б. Чистов; Отв. ред. В.Е. Гусев. М., 1971; Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983; Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов / Отв. ред. В.Я. Пропп. Вильнюс, 1964.

66. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 41.

